

Алтарная терраса императоров

— Цюнцюэ... — Чжоу Фу невольно коснулся макушки, словно всё ещё пытаюсь удержать в волосах мимолётное тепло ладони Шэнь Цинчжоу. — О чём ещё ты хочешь узнать, А-Чжоу?

Шэнь Цинчжоу спросил:

— Например, откуда вообще взялся Цюнцюэ?

Чжоу Фу на мгновение задумался и слегка поджал губы:

— Об этом... Прости, но я не могу тебе рассказать.

— Почему? — Шэнь Цинчжоу искренне удивился. — Даже мне нельзя знать?

Чжоу Фу нахмурился, его обычно мягкое лицо стало непривычно суровым и сосредоточенным:

— Верни ты себе былую силу — мог бы искать ответы без оглядки на опасность. Но сейчас тайны Цюнцюэ и то, что скрывается за ними, слишком опасны для тебя.

— Не переживай, я слишком дорожу своей шкурой, чтобы лезть на рожон, — попытался успокоить его Шэнь Цинчжоу.

Однако Чжоу Фу остался непреклонен:

— Нет. Бывают вещи, само знание о которых притягивает беду. Я не позволю тебе рисковать.

Шэнь Цинчжоу взвесил его слова и спорить не стал, уступив с поразительной лёгкостью — сразу видно человека, который действительно бережёт себя. Впрочем, для хранителя «Священных свитков гор и морей» осторожность была величайшей добродетелью. Его жизнь больше не принадлежала ему одному: с ней было связано спасение бесчисленных созданий Мира Гор и Морей.

— Но как быть с разлетевшимися по свету свитками? — снова спросил Шэнь Цинчжоу. — Зачем прежний я вообще раздал эти нефритовые дощечки?

— Твоё положение тогда было отчаянным, — тихо ответил Чжоу Фу. — За тобой охотились...

— Охотились? — Шэнь Цинчжоу вздрогнул, ощутив, как вдоль позвоночника пробежал ледяной холод. — За мной? И кто же? — Он на секунду задумался. — Это связано с Цюнцюэ?

— Ты угадал. Те, кто жаждал с помощью Цюнцюэ уничтожить наш мир, пытались отобрать у тебя свитки, — Чжоу Фу говорил всё так же мягко и ровно, с привычным послушанием в голосе.

Но там, где Шэнь Цинчжоу не мог его видеть, юноша прикрыл глаза, скрывая вспыхнувшую в них жажду крови.

— Невероятно... — потрясённо прошептал Шэнь Цинчжоу. — Кому вообще могло прийти в голову уничтожить целый мир?..

Чжоу Фу промолчал, сознательно пропустив этот вопрос мимо ушей, и продолжил:

— К тому моменту ты уже полностью истощил свои силы в битвах и больше не мог оберегать свитки. Священный дракон-лошадь Лунма помог тебе бежать в Мир Людей. Там, укрывшись под сенью великого процветания человеческого рода, ты смог затаиться от преследователей. И всё же твоё угасание было неизбежным.

Лунма?

Шэнь Цинчжоу тут же вспомнил видение из памяти меча Влекущего Тень — ту самую величественную тварь, полудракона-полуконя, на которой он мчался по воде во времена Великого Юя. Так, значит, это и был священный зверь Лунма!

«В древности, когда Фуси правил Поднебесной, дракон-лошадь Лунма явился из вод Жёлтой реки с письменами на спине, по коим начертал владыка Восемь триграмм...»

Если Си-хуан действительно растил его с малых лет, то в том, что священный Лунма стал его верным спутником, не было ничего удивительного.

— А что случилось потом?

— Восемь веков ты скитался по Миру Людей. Боги без усталости искали тебя, пока наконец Ди Цзюнь не обнаружил твой след и не вернул обратно, — Чжоу Фу нахмурился, взглянув на собеседника с лёгким укором. — А-Чжоу, почему ты тогда не позвал нас на помощь?

Шэнь Цинчжоу выпрямился и с самым невинным видом развёл руками:

— Может, к тому времени я уже ничего не помнил?

Чжоу Фу растерянно моргнул раз, другой, обдумывая его слова.

— Пожалуй... в этом есть смысл.

— Вот именно, — подхватил Шэнь Цинчжоу. — Ты ведь сам сказал, что я неуклонно слабел. Разве может истинная, взращённая годами духовная сила просто так взять и раствориться? Конечно же, нет. Значит, ещё тогда я стал жертвой чужих коварных козней.

В мгновение ока превратившись из рассказчика в слушателя, Чжоу Фу счёл доводы А-Чжоу чрезвычайно убедительными и искренне зааплодировал.

—... Да подожди ты хлопать, дай договорить, — со вздохом остановил его Шэнь Цинчжоу.

Набрав в грудь воздуха, он продолжил:

— Моя память и мои силы были уничтожены врагом каким-то неведомым образом. И если духовная мощь угасала постепенно, то и воспоминания, скорее всего, исчезали крупица за крупицей. Скрываясь в спешке в Мире Людей, я мог даже не осознавать, что безвозвратно теряю себя.

Чжоу Фу удивлённо округлил глаза. Он подумал, что А-Чжоу судит себя слишком строго: назвать столь мудрое решение укрыться в Мире Людей обычным «бегством в спешке»!

— Верный Лунма увёл меня в Мир Людей... Но где же он сам? Почему его не оказалось рядом со мной? — Шэнь Цинчжоу легонько хлопнул замечтавшегося Чжоу Фу по плечу. Вид у него при этом был точь-в-точь как у строгого наставника, поймавшего нерадивого ученика за витанием в облаках.

Чжоу Фу поспешно стряхнул наваждение и глухо произнёс:

— Он защищал тебя до последнего. Когда вы достигли Мира Людей, его силы были на исходе.

Договаривать не требовалось. Шэнь Цинчжоу замер, в его глазах отразилась глубокая, тихая скорбь.

— Лунма... Значит, его тоже больше нет.

Он опустил взгляд. Его пальцы бережно скользнули по ножнам меча Влекущего Тень. Он крепче прижал оружие к груди, словно отчаянно пытаясь слиться с ним воедино.

Со времён Си-хуана и до эпохи Великого Юя верный Лунма неотступно следовал за ним, чтобы в итоге отдать за него жизнь. А он... он просто эгоистично всё забыл. Предал забвению их общую историю.

Сяо Ли была права. Всё это случилось слишком, слишком давно. Даже бессмертные боги и священные звери бессильны перед беспощадным течением времени.

И это лишь то малое, о чём Шэнь Цинчжоу удалось узнать. А сколько ещё тайн оставалось скрыто во тьме? Сколько безымянных героев пало, защищая Мир Гор и Морей от разрушительного дыхания Цюнцюэ?

Великий Путь Небес безучастен, и лишь смерть дарует истинное, абсолютное равенство всему существу.

Чжоу Фу хранил молчание. Он лишь тихо придвинулся ближе, плечом к плечу, стремясь разделить эту тяжесть с Шэнь Цинчжоу.

Шэнь Цинчжоу с усилием отогнал мрачные думы, заставив себя вернуться к реальности, и продолжил рассуждать:

— Я не просил о помощи, но вы наверняка искали меня. И думаю, дело вовсе не в том, что на поиски ушло целых восемьсот лет. Скорее, Мир Людей в то время был куда безопаснее раздираемого распрями Мира Гор и Морей, и вы намеренно не спешили возвращать меня назад.

Чжоу Фу слушал его, приоткрыв рот от изумления. Он и подумать не мог, что из столь скудных намёков А-Чжоу сумеет восстановить такую ясную картину происшедшего.

«Какой же он поразительный!» — сердце юноши мгновенно переполнилось тихой гордостью.

— Впрочем, всё это лишь догадки, построенные на понимании собственного характера, — покачал головой Шэнь Цинчжоу. — А как всё обстояло на самом деле, я узнаю только тогда, когда ко мне полностью вернётся память.

— Да-да, именно так! — Чжоу Фу согласно закивал, готовый согласиться с любым словом своего А-Чжоу.

Шэнь Цинчжоу одарил его долгим, мягким взглядом, в котором сквозило смирение перед этой детской преданностью, и развёл руками:

— Выходит, даже вернувшись, я так и не смог исцелить свой разум. Вместо этого мне пришлось разделить «Священные свитки» и разослать их обрывки по свету, надеясь уберечь хотя бы крохи... Пстой, а я часом не просил тебя держать меня в неведении как можно дольше?

— Да, — подтвердил Чжоу Фу, отчаянно кивая. — Ты сказал: если однажды мы встретимся снова, а ты ничего не будешь помнить — ни в коем случае не раскрывать тебе правду сразу.

— Это лишено всякого смысла, — отрезал Шэнь Цинчжоу. — Какими бы мотивами я ни руководствовался, мне следовало как можно скорее вернуть свои силы, а не тянуть время без ясной цели.

— Мне неизвестны твои причины, — Чжоу Фу понурил голову. — Ты тогда ничего не объяснил.

— Ты знаешь куда больше моего, — мягко подтолкнул его Шэнь Цинчжоу. — Попробуй взглянуть на это со стороны. Как думаешь, о чём я тогда размышлял?

Юноша нахмурился, смешно задрал голову к небу, и долго о чём-то напряжённо думал. В конце концов он лишь растерянно выдавил:

— Не могу угадать.

Заметив, что Шэнь Цинчжоу слегка разочарован, Чжоу Фу поспешно попытался исправить:

— А-Чжоу, ты ведь заранее предвидел, что потеряешь все свои воспоминания, потому и оставил такое напутствие. Ты невероятно умен и наверняка просчитал каждый шаг наперёд. Быть может, это намеренное промедление — лишь часть твоего грандиозного замысла?

— Часть замысла?.. — задумчиво повторил Шэнь Цинчжоу. Его указательный палец мерно постукивал по лакированным ножнам меча в такт ударам собственного сердца. Откуда у него взялась эта привычка размышлять под беззвучный ритм, он и сам не знал.

Чжоу Фу затих, боясь неосторожным звуком нарушить ход его мыслей.

— Скажи... когда мы виделись в последний раз? — внезапно спросил Шэнь Цинчжоу.

— В четырёхстах восемьдесят седьмом году по календарю Предков-Цинь. Ровно тысячу семьсот пятьдесят семь лет назад, — выпалил Чжоу Фу без малейшего колебания, будто эти цифры навечно врезались в его измученную память.

Шэнь Цинчжоу шумно вдохнул ледяной воздух. Резкий порыв ветра с Алтарной террасы ворвался в грудь, обжигая лёгкие.

— Так давно?!

Получается, он лишился рассудка и памяти ещё на заре воцарения династии Цзинь?!

Он растерянно потёр виски, переводя пустой взгляд с Чжоу Фу на бескрайние небеса.

— Но где же я находился все эти без малого два тысячелетия? Что я делал? — Шэнь Цинчжоу смотрел перед собой невидящим взором. — И неужели никому из богов не было до меня дела?

Ведь речь шла не об одном десятилетии — пролетело долгих тысяча семьсот пятьдесят семь лет!

И это означало лишь одно.

Пока бушевала война за само существование их мира, он — тот, кто должен был стоять на передовой против Цюнцюэ, — отсутствовал почти две эпохи. Вся непосильная тяжесть этого противостояния легла на плечи Чжоу Фу и горстки уцелевших соратников.

Шэнь Цинчжоу уставился на чернеющее вдали пятно Цюнцюэ. Горло перехватило спазмом, дышать стало невыносимо трудно. Неведомая прежде, удушающая горечь поднялась из глубин души, медленно затапливая его — сначала по щиколотки, затем по колени, подбираясь к самой груди...

Ему казалось, что он тонет.

Это была его битва. Его долг. Но где он был все эти века? Сколько чужих энергий унесло его отсутствие?

— Чжоу Фу... — Шэнь Цинчжоу позвал его тихим, прерывистым шёпотом, в котором едва сдерживалась дрожь.

— Я здесь, — отозвался Чжоу Фу у самого его уха. Этот мягкий, но нерушимый ответ прозвучал столь нежно, словно мимолётное касание губ.

Пальцы Шэнь Цинчжоу мелко дрожали. Он слепо повёл рукой в сторону, словно утопающий, отчаянно ищущий хоть какую-то опору в бездонной пучине.

Что угодно, лишь бы почувствовать себя живым...

Его взгляд по-прежнему был прикован к бездонному провалу небесного разлома. Он замер, боясь даже сморгнуть, пока кусачий ветер сушил глаза, вызывая режущую боль.

Чжоу Фу не стал тратить слова на пустые утешения. Он лишь бесшумно опустил свою тёплую ладонь рядом с пальцами Шэнь Цинчжоу.

Сделав пару неловких движений, Шэнь Цинчжоу нащупал его руку и крепко сжал её.

Он стискивал пальцы всё сильнее, отчаянно пытаясь вытянуть из юноши хотя бы крупницу тепла и уверенности.

Чжоу Фу не только позволил сжать свою ладонь, но и ответил крепким рукопожатием. Будучи чуть шире в кости, он всё же не мог полностью укрыть руку Шэнь Цинчжоу одной своей.

Тогда, украдкой взглянув на застывшее лицо А-Чжоу и не заметив протеста, юноша осмелел: он осторожно накрыл их соединённые ладони своей второй рукой, бережно пряча пальцы Шэнь Цинчжоу в тёплый кокон.

Шэнь Цинчжоу медленно пришёл в себя. Он скользнул взглядом по их рукам, но не сделал попытки высвободиться, смолчал.

У Чжоу Фу внутри всё сжалось от страха. На душе стало тревожно и зыбко. «А-Чжоу и без того тяжело, — укорял он себя, теряя остатки былой смелости. — Вдруг моё ребячество покажется ему слишком навязчивым?»

От этой мысли он виновато улыбнулся и уже собирался отпустить ладонь Шэнь Цинчжоу, но пальцы того неожиданно сжались с ещё большей силой. Изумлённый Чжоу Фу поднял голову и увидел, что Шэнь Цинчжоу протягивает ему и вторую руку.

— А-Чжоу... — растерянно прошептал юноша.

Шэнь Цинчжоу опустил ресницы и мягко, тепло улыбнулся:

— Я тоже здесь.

Он отчётливо ощутил мимолётную робость Чжоу Фу — возможно, тот попросту не привык к близкому контакту, но его искреннее желание согреть чужие руки было слишком очевидным.

Шэнь Цинчжоу нуждался в Чжоу Фу. И, к счастью, Чжоу Фу точно так же нуждался в нём.

Разум Чжоу Фу ещё не успел осознать случившееся, а тело уже повиновалось инстинкту: он бережно и надёжно заключил обе ладони Шэнь Цинчжоу в свои. Пальцы переплелись с пальцами, ладонь прижалась к ладони.

Они были мягкими. И невыносимо горячими.

Молодой глава Цинь, Цинь Сыюань, не раз со смехом говаривал, что Шэнь Цинчжоу — драгоценнейший кусок куньлуньского нефрита во всей семье Цинь из Пэнлая.

В этих словах не было ни капли лжи. Сююань не только восхищался его безупречным лицом, но и намекал на удивительную кожу, белизной подобную чистейшему нефриту. Из-за многолетней привычки держать кисть на его пальцах осталась едва заметная полоска мозолей, но сами ладони были сухими и тёплыми.

Пальцы Чжоу Фу невольно погладили чужую кожу, но в ту же секунду юноша замер, словно поражённый молнией.

«Нельзя пользоваться его минутной слабостью», — строго приказал он себе.

Поэтому он застыл, боясь лишний раз пошевелиться, и лишь бережно сжимал ладони Шэнь Цинчжоу. Он не смел позволить себе ни единого лишнего касания, будто стоило ему сжать пальцы чуть крепче — и Шэнь Цинчжоу растает без следа, оставив его в вечном одиночестве.

На Алтарной террасе императоров время словно замерло: здесь не было ни рассветов, ни закатов, а вокруг, куда ни кинь взор, простиралась ослепительно белая пустота.

Кусачий ветер завывал в ушах под низким, давящим небом.

Весь этот огромный, пустой мир сжался до крошечного пяточка, на котором они двое согревали друг друга.

Порывы ветра нещадно трепали чёрные одежды Шэнь Цинчжоу, облепляя его стройную фигуру и подчёркивая болезненную худобу. Семья Цинь, разумеется, ни в чём ему не отказывала, но в этой ледяной пустыне человек в одном лишь тонком халате казался олицетворением вселенской стужи.

Однако холода Шэнь Цинчжоу не чувствовал.

Мало того, что его пробудившаяся духовная сила надёжно защищала от мороза, так ещё и поглощённая им нефритовая пластина «Священных свитков» разливала по телу благодатное, живительное тепло, струящееся по меридианам к самым кончикам пальцев.

К тому же рядом был Чжоу Фу. Стоило Шэнь Цинчжоу мысленно посетовать на то, что руки его спутника холодны как надгробный камень, как над телом юноши поднялась едва заметная белёсая дымка. Тот мгновенно направил внутреннюю силу наружу, превратившись в настоящее живое пламя.

Это мягкое, спасительное тепло перетекло из ладоней Чжоу Фу, поднялось по плечам и проникло в самую глубь исстрадавшегося сердца Шэнь Цинчжоу.